

СОЙТИ С МАРШРУТА



АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

Все гости Северной столицы знают ее показную, витринную часть. Невский проспект, Дворцовая площадь, великолепные дворцы по берегам рек и каналов, Спас на Крови и Исаакий. Но, как и у большинства городов со сложной историей, у Петербурга есть другая, непарадная сторона. И даже не одна. Чтобы увидеть ее и понять, нужно сойти с привычных туристических маршрутов. Иногда для этого достаточно просто нырнуть с улицы в арку.

Проходные дворы Конечно, соединяющиеся между собой дворы, по которым можно перейти с одной улицы на другую, — не петербургское изобретение. Но именно здесь система проходных дворов достигла невероятного развития, и причиной тому — человеческая алчность. Земля в столице Российской империи всегда была дорога, но на заре существования города ее хватало всем. Первые домовладения Петербурга строились по примеру московских усадеб — с огородами, коровниками и каретными сараями. Однако по мере роста столицы содержать огромные особняки стало невыгодно. Потомки петровских и екатерининских вельмож начали дробить свои участки, возводить в их глубине жилые флигели, предназначенные под сдачу. Настоящий строительный бум инвестиций в жилое строительство начался во второй половине XIX века, когда, с внедрением перекрытий из стальных балок стало возможно возводить пяти-шестиэтажные «громады». Тогда-то и появился феномен петербургского доходного дома — чрезвычайно сложно устроенного человеческого муравейника, под крышей которого сосуществовали, не встречаясь друг с другом, генералы и студенты-анархисты, балерины и спившиеся рабочие. Домовладельцы требовали от архитекторов одного: как можно больше окон. Чем больше окон, тем больше комнат, а значит, больше арендной платы. И стали строить дворы-колодцы, дворы треугольные, круглые и шестигранные, дворы вторые и третьи, соединенные между собой лабиринтом проходов. (Они были еще и загромождены штабелями дров, что превращало навигацию по петербургским подворотням в высокое искусство.) Вообще-то эти дворы были не совсем проходными: днем их бдительно контролировали дворники, а на ночь они же перекрывали арки коваными воротами. Но в советское время и дворники, и ворота оказались аннулированы, и Ленинград действительно стал столицей проходных дворов. Студенты ЛГУ гордились тем, что умели пройти весь Васильевский остров от Тучкова переулка до 24-й линии, практически не покидая дворов. Сейчас такое невозможно — новые собственники потихоньку перекрывают сквозные проходы. Но все же в городе есть немало маршрутов, на которых можно почувствовать себя героем питерских криминальных сериалов.

Интересные проходные и сложные дворы: дом Бенуа (Каменноостровский пр., 26–28); дом Шпринга (Тучков пер., 11, Волховский пер., 5) — здесь снималась сцена погони в фильме «Брат»; дворы Толстовского дома (ул. Рубинштейна, 15–17, наб. р. Фонтанки, 54); дворы Капеллы (Большая Конюшенная ул., 13); «Параллельный Невский» (ул. Восстания, 8А, Невский пр., 84).

Индустриальные объекты Вопреки расхожему мнению, Петербург был основан не как столица государства (он стал таковой лишь в 1712 году), а как огромная прифронтовая промышленная площадка. Нынешние районы города — Литейная часть, Выборгская сторона, Гавань, Ржевка-Пороховые — выросли из рабочих слободок, теснившихся вокруг военных заводов. В ходе научно-технической революции центр Петербурга оказался охвачен «серым поясом» — кольцом промзон, протя-



ЕВГЕНИЙ ПАВЛЕНКО

нувшимся вдоль водных магистралей и железных дорог. Среди унылых советских построек из силикатного кирпича сохранились настоящие бриллианты индустриальной архитектуры. Это смелые здания конструктивистов, напоминающие машины, корабли и самолеты, дивный модерн, достойный Берлина и Вены, и простой «краснокирпичный» стиль, еще лет 150 назад казавшийся не вполне приличным (считалось, что здание без штукатурки — все равно, что господин без штанов), а сегодня привлекающий на фотосессии любителей стимпанка.

Сейчас промышленные предприятия покидают городскую среду, а на их место приходят урбанисты. Новые общественные пространства открылись на территории бывших заводов «Прибой» в Гавани и «Севкабель» на Васильевском острове. Отсюда можно бросить взгляд на то место, где Нева становится морем: как ни странно, сами петербуржцы на протяжении нескольких веков были лишены такой возможности из-за режима секретности заводов.

Преобразился и комплекс завода «Общества столичного освещения» на Обводном канале. В бывшие газгольдеры — сорокаметровые башни для хранения светильного газа — теперь открыт доступ, а в крупнейшем из них работает планетарий. Недалеко от газгольдеров можно увидеть здание спиртового завода Штритера, производившего смесь для заправки уличных фонарей, а по другую сторону — одну из первых российских электростанций, построенную в 1886 году благодаря исключительным лоббистским способностям фирмы «Сименс». А через два дома от нее располагалась мастерская, в которой изобретатель Яблочков производил свои лампы — знаменитый «русский свет», озаривший Версаль и набережную Темзы.

Если проехать чуть дальше по Обводному каналу, то можно увидеть грандиозное здание фабрики «Красный треугольник». Это крупнейшее в Российской империи и в СССР резиновое производство теперь почти заброшено, не попасть и в знаменитый 800-метровый технологический коридор. Но можно свободно зайти на территорию завода и побродить там, удивляясь грандиозным производственным корпусам XIX века.

Ленинградский и европейский конструктивизм: силовая станция фабрики «Красное знамя» (Пионерская ул., 57); водонапорная башня фабрики «Красный гвоздильщик» (25-я линия Васильевского острова, 4); Левашовский хлебозавод (Барочная ул., 4А).

«Кирпичный» стиль: фабрика «Невка» (Гельсингфорсская ул., 3); водонапорная башня (Шпалерная ул., 56–58); комплекс построек 4-го казенного винного склада и завода (наб. Обводного канала, 197–201).

Деревянные дома Да, как ни странно, они в Петербурге были. Более того, составляли абсолютное большинство первые сто лет существования нашего города. Недаром Екатерина II в особую заслугу себе ставила, что «взяла Санкт-Петербург деревянным, а оставила его каменным». Деревянными были царские дворцы и храмы, Адмиралтейство и Петропавловская крепость и вообще практически все. От тех времен сохранилось одно-единственное здание — домик Петра I на Петровской набережной, предусмотрительно накрытый кирпичным футляром. Но прошлый и позапрошлый век оставили нам несколько чудесных деревянных домов, которые стоит разыскать среди каменных джунглей.

Особняк Бремме (12-я линия Васильевского острова, 41), чудом дошедший до нас с начала XIX века, интересен не только тем, что являет собой типичную усадебную застройку, характерную для окраин столицы. В 1920-е годы здесь действовала артель бывших политкаторжан, выпускавшая пищевые добавки, а в годы войны — «Блокадная аптека», где ленинградцы могли получить витамины из сосновой хвои.

Особняк Греффа (Большая Пушкинская, 14) напоминает о тех временах, когда Петроградская сторона еще не была самым модным и дорогим районом города. Риелторы начали ее осваивать и застраивать лишь после строительства Троицкого моста. Тогда-то Петроградка расцвела, покрывшись современными домами со всеми доступными на тот момент бытовыми удобствами. А до той поры вдоль дороги на Острова (куда, бывало, зимой забегали волки) стояли подобные деревянные усадьбы с садами и огородами.

Дача управляющего компанией «Зингер» (Болотная улица, 13), яркий образец деревянного модерна, вряд ли пережила бы эпоху массовой застройки, если бы не одно обстоятельство. Именно в этой пустующей даче 16 октября 1917 года ЦК РСДРП (б) принял решение о вооруженном восстании. Поэтому после революции ее превратили в музей.

Константин Шолмов